

дарование, «как два крыла поддерживали меня,— вспоминал Вс. Иванов,— и уносили от смерти».

В советскую литературу Вс. Иванов вошел вскоре после окончания гражданской войны одновременно с целой плеядой молодых художников — участников революционных битв, в своем творчестве отразивших грандиозные картины острой социальной ломки, происходившей в стране. Творчество Вс. Иванова, как творчество А. Фадеева и Д. Фурманова, Л. Леонова и А. Неверова, Э. Багрицкого и Н. Тихонова, несло с собой неведомые дореволюционной литературе темы, образы, пафос мирового переустройства и народной героики, близость к самой глубине народного духа, «взорванного» революцией.

В 1920—1923 гг. в Петрограде, куда Вс. Иванов переехал из Сибири по зову М. Горького, он задумывает и пишет произведения, составившие впоследствии известный цикл «Партизанских повестей», — повести «Партизаны», «Бронепоезд 14-69» и «Цветные ветра». Этими книгами Вс. Иванов вошел в первый ряд талантливейших молодых советских писателей, создавших расцвет советской литературы в 20-е годы, и сразу же завоевал широкую известность среди читателей у нас в стране, а затем и за рубежом. В 1927 г., к десятилетию Октября, лучшая из «Партизанских повестей» — «Бронепоезд 14-69» — была переработана автором в пьесу того же названия, которая с огромным успехом шла на сцене МХАТа (с Качаловым, Баталовым и Хмелевым в главных ролях), а также других советских и прогрессивных зарубежных театров, явившись одной из классических драм нового советского репертуара.

«Партизанские повести» — это своеобразный поэтический «триптих», посвященный эпохе гражданской войны, показывающий события, связанные с народным партизанским движением в Сибири против «колчаковщины» и интервенции, отразивший стихию «мужичьих» бунтов и восстаний за новую власть — за Советы и Ленина. Исторический момент, захватываемый Вс. Ивановым в его повестях, это то крайне динамическое переходное состояние, когда, неожиданно вспыхнув, возмущенная до ярости народная революционная стихия разливается морем и руководящей волей коммунистической партии организуется и направляется в сторону, наиважнейшую для революционного дела.

На страницах «Партизанских повестей» нас охватывает «трепетанье всего огромного пространства битвы за свободу, которую вел советский народ».

Эпические картины повстанческого сбора деревень и волостей в «Бронепоезде» и в «Цветных ветрах», участие масс людей и войск, когда «на пятнадцать верст лошадиный хруп», трагические эпизоды гибели целых сел во всех трех повестях и сцена почти былинного поединка в «Цветных ветрах», своеобразное «смещение языков» — на страницах повестей действуют русские крестьяне и охотники, кочевники-киргизы, немцы-колонисты, японские интервенты, бойцы Красной Армии, чехи и мадьяры, польские уланы и казаки атамана Семенова, китаец Син Бин-у и пленный солдат-американец в «Бронепоезде», — все это создает картину охватившего огромные простран-

ства Евразии движения — «переселения народов», вызванного революцией и войной.

В создании этого впечатления участвует и небывало интенсивный пейзаж повестей, экзотическая, почти язычески одушевленная природа, сливающаяся с потоком человечества... Стиль повестей, местами приближающийся к сказу, построен на многих параллелизмах между жизнью людей и жизнью природы. Когда в повести «Бронепоезд 14-69» народ стекался к железнодорожной насыпи, чтоб уничтожить бронированное чудовище — белый бронепоезд, «в гривах лошадей и людей торчали спелые осенние травы, и голоса были протяжные, но жесткие, как у перелетных птиц». А в «Цветных ветрах» над всем зрелищем сталкивающихся не на жизнь, а на смерть людей — врагов, над смертью, кровью и радостью борьбы носятся, владеют всем «цветные ветры» — то «ветер луговой, зеленый и пахучий», то «льдиный и синий», то «ветер в золотом бешмете... сонный, усталый», то, наконец, ветер войны и кровавой битвы — «пурпурно-бронзовый и тугой...» В повестях Вс. Иванова все сдвинулось с места и ждет исхода — «текут ночи» и «текут избы», проходят отрядами «темнолицые крестьяне с одинаковым, ровным усталым шагом», мечется по тайге, как китайский дракон, затравленный, обреченный бронепоезд, дуют морские переменные ветры и бродят по лесам тысячные вооруженные толпы, от которых исходит что-то «непонятное, злобное, как тайфун».

Очень сильна также в повестях и лирическая струя, усиливающая атмосферу общего движения, стихийной взволнованности. В «Цветных ветрах» это выливается в целую систему лирически-возбужденных монологов, орнаментирующих основное содержание повести, монологов, обращенных автором к самому себе, к природе, с которой он ощущает себя слитым, к хаосу событий, в котором лирически растворяется душа автора. И в этих лирических заставках и повторах звучит все тот же тон беспокойства, воинственного восторга, душевной вольницы: «Эх, душа моя, кошева на повороте!»

На страницах повестей много отличных реалистически-бытовых зарисовок из жизни сибирского села, во всей тяжелой правде об «идиотизме деревенской жизни», но в целом мужицкая масса в повестях Вс. Иванова глубоко отличается от изображавшейся предреволюционной литературой темной, придавленной, патриархально-крестьянской среды, от деревни Бунина и Толстого. Это масса, наэлектризованная революцией; ивановские мужики — стихийная, во многом слепая и привязанная к земле сила, однако они осознают уже необходимость своей крестьянской власти, и эта «христианская власть» однозначна в их думах власти советской. Они понимают, что Колчак — «Толчак», как кличут они диктатора, с которым пришли на их землю иноземные войска, творящие зверства и разорение, — это враг, с которым не видать счастья. «С этой властью нам не венчаться», — говорят они. Чуть что, эти простые землепашцы, рыбаки и охотники уходят «в чернь», в тайгу — «восстание палить». В свое время критика упрекала Вс. Иванова за излишне случайный, стихийный характер описанных им вспышек «партизанщины». Таково,